

Для цитирования: Борисов С. В.

Техника сократического диалога Оскара Бренифье (по итогам работы семинара «Искусство философской практики», Челябинск — Сатка, 12—13 февраля 2019 года, база отдыха «Эко-парк “Зюраткуль”») // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 132—137.

УДК 128 + 141.3 + 159.9.01

ТЕХНИКА СОКРАТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА ОСКАРА БРЕНИФЬЕ (ПО ИТОГАМ РАБОТЫ СЕМИНАРА «ИСКУССТВО ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ», ЧЕЛЯБИНСК — САТКА, 12—13 ФЕВРАЛЯ 2019 ГОДА, БАЗА ОТДЫХА «ЭКО-ПАРК “ЗЮРАТКУЛЬ”»)¹

Борисов Сергей Валентинович,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), доктор философских наук, профессор, Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой описание и критический анализ техники сократического диалога, продемонстрированной философско-практиком Оскаром Бренифье на семинаре «Искусство философской практики», проходившем 2—13 февраля 2019 г. на базе отдыха «Эко-парк “Зюраткуль”» (Сатка, Челябинская область). Специфическая методика сократического диалога Оскара Бренифье заключается в идентификации неосознаваемых предпосылок суждений, задающей точку отсчета в анализе образа мысли. Это дает возможность занять противоположную позицию для формулировки простых гипотез, что позволяет артикулировать те проблемы, которые выявляются через сформулированные и опознанные концепты.

Ключевые понятия:

философская практика, сократический диалог, критическое мышление, Оскар Бренифье.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Философская практика постепенно приобретает популярность в России. Все больше людей, от рядового студента до руководителя крупной корпорации, осознают важность критического мышления для успешной профессиональной карьеры, кооперации в сфере бизнеса, образования, услуг, а также для развития индивидуальных навыков интеллектуальной деятельности, творчества, самопознания. Неслучайно главными направлениями работы уникального философского семинара «Искусство философской практики», организованного при поддержке руководства комбината «Магnezит» и администрации Саткинского района Челябинской области, стали следующие темы: «Философия в бизнесе и организации: как мыслить вместе, как оценивать людей с помощью философских инструментов, как аргументировать», «Философское консультирование: искусство задавать вопросы, преодолевать предубеждения и решать проблемы», «Личное развитие: самосознание и самопознание через философские упражнения».

Участие в данном семинаре не требовало никакой предварительной философской подготовки. Для ведущего данного семинара — французского философа-практика Оскара Бренифье — главное, чтобы участники руководствовались одним лишь стремлением научиться правильно мыслить, говорить, действовать. От руководителя семинара требовалось создать для этого необходимые условия. Имя Оскара Бренифье хорошо известно в области философской практики. Он является одним из основателей этого направления современной философии. Эксперт ЮНЕСКО, руководитель Института практической философии в Париже, Бренифье проявляет активную заинтересованность в распространении идей философской практики в России. В этом контексте философия предстает не как академическая дисциплина, основанная на истории идей, о которой просто рассказывает лектор, это множество способов философствования, это практическая деятельность. Здесь речь идет не столько о знаниях, сколько о приобретении и развитии навыков мышления, понимания, решения проблем. Именно эта практическая направленность делает методике Оскара Бренифье столь популярной и востребованной.

Перед участниками семинара стояла непростая задача: в течение двух дней освоить и апробировать основные процедуры критического мышления, реализуемого посредством сократического диалога. На первом этапе работы участникам семинара

ра предстояло определить значимую для них цель ведения сократического диалога. Для каждого открывался свой уникальный аспект этого мыслительного процесса: для кого-то — это установление неосознанных предпосылок мышления; для кого-то — возможность занять противоположную позицию, относительно своих первоначальных взглядов и убеждений; а кому-то было важно посредством сократического диалога выявить главные профессиональные проблемы, существующие пока в латентной форме. Поскольку осмысление всего этого проблемного поля, так или иначе, связано с навыками критического мышления, на втором этапе работы семинара участникам предстояло определить, что для них является основанием для намеченной цели: или установление правильной связи суждений, или умение определять и формулировать верное суждение, или умение установить правильную последовательность суждений.

Трудности обнаружались с самых первых шагов. Оказывается не так-то просто сформировать ясный и отчетливый дискурс из потока сознания, который для многих функционирует посредством свободных ассоциаций и затемняет моменты логических связок. Стоит задать себе вопрос: где связь между тем, что я говорю сейчас, и тем, что я сказал минуту назад? Этого вопроса достаточно, чтобы столкнуться с проблемой. Помимо выявления противоречий в рассуждениях участников, ведущему удалось постепенно привести их (участников) к осознанию пробелов и разрывов в их рассуждениях, которые указывают на ключевые, но неосознаваемые моменты. Это основное упражнение, основной прием, который многократно использовал Оскар Бренифье, что позволяло реконструировать единство, нащупывать границы скрытых предпосылок суждений, видеть моменты возникновения мысли, моменты критики, всего того, что способствовало кардинальной трансформации исходных предпосылок.

Как только выявлялось противоречие, у участников диалога появлялся повод задуматься над тем, в какой мере данное противоречие можно считать неизбежным атрибутом мысли. В этот момент ведущий неумолимо и методично задавал вопросы о том, какое из двух появившихся рассуждений является «верным» — даже если оба на первый взгляд можно назвать таковыми. Тем самым участникам предлагалось сравнить две различные позиции, оценить степень их убедительности, их достоинства

и, наконец, все-таки выбрать одну из них, что позволяло каждому осознать специфику собственного мышления.

«Почему Вы здесь? Что привело Вас сюда?» — неоднократно звучал от ведущего этот провокационный вопрос. Этот изначальный, предельно простой и естественный вопрос Бренифье неустанно обращал ко всем, чтобы каждый задал его самому себе. На первых этапах работы семинара ответы, в основном, сводились к следующим: «Потому что я не разбираюсь в философии», «Потому что философская практика интересна, и я хотел бы знать о ней больше», «Потому что меня интересует, что тот или иной философ думает по тому или иному поводу...». Дальше ведущий незамедлительно задавал встречные вопросы, чтобы выявить неосознанные собеседником предпосылки, которые кроются в этих попытках дать ответ (а по сути, в этих попытках не давать ответа). «Я не психолог и не психотерапевт, — отмечал Бренифье, — мне вовсе не обязательно знать “суть” вашей мысли, но я хочу подвинуть вас сформулировать ту или иную гипотезу, с которой мы будем работать дальше».

Семинар дал понять, что истина не обязательно прячется под прикрытием искренности или субъективной «аутентичности» и даже может быть ей противоположна; противоположна в той мере, в какой желание нередко противостоит разуму. С этой точки зрения, не так важно, предан ли человек той мысли, которую высказывает. Мы часто слышим: «Я не уверен в том, что говорю (или собираюсь сказать)». Но в чем мы, собственно, хотели бы быть уверены? Разве не эта неуверенность позволяет проверить на истинность нашу идею, тогда как любая уверенность будет только помехой в этом деле?

Если объяснение участника было слишком длинным или являлось предлогом для выражения его эмоций, Бренифье, пользуясь правом ведущего, решительно прерывал затянувшийся монолог. Точнее самому «оратору» становилось ясно тщетность его красноречия, поскольку, увлекшись монологом, он даже не замечал, что переводчик уже давно молчит, не пытаясь угнаться за темпом его страстной речи, а ведущий, не зная русского языка, просто ждет, когда схлынет эта «волна» слов. Затем от ведущего следовало конструктивное предложение: «Скажите мне в одной фразе, что Вам кажется существенным в Вашей речи. Если бы Вы могли сказать мне только одну фразу, что это была бы за фраза?». Как правило,

собеседник испытывал трудность с этим упражнением. Однако констатация этого затруднения служила началом к процессу дальнейшего философствования, продолжения процедуры сократического диалога.

Собеседники Бренифье нередко пытались обойти эту стадию дискуссии, прикрываясь относительностью обстоятельств или неопределенностью: «Это зависит <...>. Есть много причин <...>. Все слова или идеи важны» и тому подобное. Настаивая на необходимости выбирать и придавать мысли то или иное направление, ведущий, прежде всего, давал возможность опознать скрытые установки, предпосылки и предубеждения, чтобы затем поставить их под сомнение. После нескольких этапов реконструкции оснований (и отсекаания лишнего) многие участники диалога переживали своеобразный «травматический эффект». Однако, как объяснил позже сам Бренифье, именно «травма» дает возможность реконструировать основания и ключевые моменты того или иного типа мышления. Отделяя одни идеи от других, собеседник начинает осознавать сами логические операции, посредством которых он различает смыслы.

Чаще всего эта «травма» выражалась в своеобразной фрустрации. Во-первых, это фрустрация от того, что ведущий перебивает оратора, так как смутная и длинная речь, особенно та, что игнорирует слушателя, не имеет развития в диалоге. В этом отношении Бренифье был неумолим. Если эта речь не подпитывает непосредственно тему диалога, она бесполезна для разговора и ей не место в рамках данного тренинга. Во-вторых, фрустрация, связанная с определенной жесткостью: каждое высказывание подвергается анализу, и все сказанное кем-то «сгоряча», может быть использовано против него. В-третьих, фрустрация от длительности процесса: чем больше вопросы ведущего провоцируют у собеседника хаос и поток речи, тем скорее надо это остановить, не боясь тягостного и упрямого молчания, только так можно лучше понять суть дела. В-четвертых, фрустрация от «предательства», опять же в двойном смысле: предательство наших собственных слов, которые, с одной стороны, отражают то, что мы не желаем говорить, и, с другой стороны, которое не выражают того, что мы хотим сказать. В-пятых, фрустрация от небытия: не быть тем, чем мы хотим быть, не быть тем, во что мы верим, видеть себя разоблаченным, лишенным привычных истин, которые осознанно или нет, и порой на протяжении всей жизни, были частью нас самих.

Для этих случаев в арсенале Бренифье находились различные виды «болеутоляющего». Во-первых, ведущему удавалось быстро определять, когда нужно активно задавать вопросы, а когда наступает время мягко «соскользнуть» на другую тему, когда уместно говорить, а когда — слушать. Конечно, это не всегда легко угадать, так как нас легко зажечь огоньком беседы или нашими собственными желаниями (идти до конца, прийти к определенному выводу), а также негативными эмоциями (от раздражения до отчаяния) или другими личностными переживаниями.

Во-вторых, важны юмор, смех, игровые элементы, которые широко использует Бренифье. Они приносят эффект «спуска удил», позволяют собеседнику освободиться от себя, не дать захватить себя своей экзистенциальной драмой и даже безболезненно созерцать смехотворность собственной позиции.

В-третьих, ведущий дает возможность собеседнику выйти за пределы себя самого, посмотреть на себя как бы с позиции третьего лица: «Представим, что Вы читаете историю, где рассказывается, что...», «Представим, что Вы встретили кого-то и что все, что Вы знаете об этом человеке — это...». Такой простой эффект самоописания через третье лицо, который неоднократно использовал Бренифье, позволяет собеседнику забыть о своих интенциях, желаниях, иллюзиях и разочарованиях и заняться только своим суждением, причем таким, каким оно возникло в ходе дискуссии.

Как только определялась основная скрытая предпосылка, ведущий задавал ей противоположную перспективу. Речь идет об упражнении, которое Бренифье называет «мыслить немислимое». Какова бы ни была установка или ключевая проблема собеседника, ведущий просит его сформулировать противоположную гипотезу: «Если бы Вам надо было выразить критическую позицию по отношению к Вашей гипотезе, что бы Вы сказали? Придумайте самое весомое возражение, против дорогой Вашему сердцу идеи. Почувствуйте границы Ваших убеждений». Необходимость помыслить «немислимое» многих участников диалога буквально повергало в шок. Порой даже вырывался крик протеста: «Но это же невозможно! Я не хочу!». Но, как ни странно, вопреки всем ожиданиям, противоположная гипотеза оказывалась самой лучшей, что вынуждены были признать многие участники диалога.

Семинар никого не оставил равнодушным. Даже во время кофе-брейков и обе-

денного перерыва участники постоянно возвращались к воспроизведению основных моментов дискуссии: «Какую работу мы с вами проделали?», «Что здесь произошло за это время?». Это давало возможность перехода разговора на следующую ступень, ступень концептуального анализа. Участники семинара постоянно находились в ситуации включенного внимания, что давало возможность анализировать, как протекает диалог, оценивать поставленные цели, преодолевать неразбериху смыслов и высказываний, чтобы вычлнить наиболее существенные элементы разговора. Это очень важный этап неформального общения, поскольку участники семинара, по сути, осознали в полной мере двойную (внутреннюю и внешнюю) перспективу работы человеческого рассудка, «пробужденного» философской практикой.

Таким образом, специфическая методика сократического диалога Оскара Бренифье состоит, прежде всего, в том, чтобы идентифицировать неосознаваемые предпосылки суждений собеседника, которые реально определяют его высказывания и действия. Во-первых, это позволяет осознать точку отсчета в его образе мысли. Во-вторых, это дает возможность занять противоположную позицию, чтобы трансформировать его «бесспорные» постулаты в простые гипотезы. В-третьих, это позволяет артикулировать те проблемы, которые выявляются через сформулированные и опознанные им концепты.

Семинар показал, что одной из главных и сложных задач, которые ставит перед собой философская практика в форме сократического диалога, — примирить человека с его собственной речью. Очень сложно побороть собственное многословие, которое, как известно, не всегда выражает глубину мысли. «Как же так? — возражают многие. — Ведь люди в большинстве своем говорят так много и охотно!». С этим не поспоришь: достаточно прислушаться к шуму голосов в общественном месте. Действительно, большинство из нас имеет обыкновение говорить много. Можно даже сказать, мы чувствуем себя вынужденными говорить. Одним из импульсов, толкающих нас к этому, является желание высказаться, связанное просто с нашей нетерпимостью к тишине. Тишина подозрительна, она тяготит и навевает тоску. Необходимо по-настоящему доверять тому, с кем пребываешь в тишине или иметь для этого серьезные основания, иначе тишина будет свидетельствовать об отсутствии интереса, прерван-

ном диалоге или даже конфликте. Однако глубокие мысли рождаются не в минуты нашего многословия, а в минуты молчания. Именно на фоне молчания осознается вся ценность слов.

Еще одна проблема — самоутверждение посредством речи. Хотя каждый утверждает свою правоту, но далеко не каждый задумывается над тем, что означает «быть правым» и почему самоутверждение для нас так важно. Мы можем до бесконечности отстаивать свои убеждения, базируясь на том, что жизнь есть борьба, что ничего не дается просто так, что нужно проявлять волю и характер. Несомненно, это содержит в себе долю истины. Но у всего этого есть и обратная сторона: нас зачастую увлекает не убедительность суждений и бескорыстный поиск истины, а наша собственное самолюбование, что объясняет, почему иногда нам так трудно вести дискуссию, и почему она с такой легкостью переходит в выяснение отношений или спор ради спора.

Действительно, если бы человеком двигало только стремление к истине, к правильности суждений, то он вряд ли бы так заботился о признании со стороны других людей и не добивался бы этого с такой настойчивостью. Здесь даже не идет речь о какой-либо осознанной манипуляции, просто сократический диалог дает понять, насколько наша речь несвободна, несамодостаточна, ей все время необходим кто-то в качестве слушателя. Нам все время нужен этот слушатель, на которого мы рассчитываем, что он оценит нас по достоинству. Часто не осознавая этого напрямую, мы всегда находимся в поиске такого слушателя.

А вот еще одна проблема: что происходит с нами, когда мы почувствовали несостоятельность наших убеждений? Мои слова кажутся мне глупыми, потому что я не люблю себя? Или же я не люблю себя потому, что мои слова кажутся мне глупыми? На семинаре Оскара Бренифье каждому из нас неоднократно приходилось отвечать самому себе на эти вопросы. Однако самого Бренифье, как философа-практика, интересовало не это. В большей мере его интересовали сами механизмы мышления как такового, а не субъективность отдельной личности, психологические особенности которой невольно разоблачал сократический диалог. Потому мы опять возвращаемся к ключевому вопросу: каким же образом примирить собеседника с его собственной речью? Но примирить не для того, чтобы сделать его счастливым или самодовольным, а исключительно для того, что че-

ловец, не примирившийся с собственной речью, не способен ясно мыслить. Примирился со своей речью вовсе не означает сделать ее безупречной, построенной по всем правилам риторического искусства, как раз наоборот. Восхищение собственной речью часто является проявлением нарциссизма, самолюбования или, наоборот, недовольства собой, неумения дистанцироваться и взглянуть на вещи критически. Достаточно вспомнить, как многие участники семинара всеми силами пытались уклониться от конструктивной критики, оправдываясь или объясняя, что они на самом деле имели в виду, или даже категорически отрицают явное противоречие, чтобы вернуться в свое привычное внутреннее состояние, где они могли бы чувствовать себя комфортно.

Однако произнесенные слова уже не веротишь, они прозвучали, обрели посредством речи новый способ существования, стали выражением определенной позиции. Даже если мы станем их по-разному интерпретировать, пытаемся наделить их новыми значениями, в любом случае, они уже выражают нечто конкретное, и даже если мы будем трактовать их неверно (что случается довольно часто), мы не можем заставить их говорить все что нам угодно. Любое утверждение (что бы оно ни утверждало) обязательно влечет за собой собственное отрицание. Как ни парадоксально, но всякое утверждение является отрицанием уже самим фактом утверждения. Оно отрицает (явно или опосредованно), отвергая противоположность утверждаемого, или же умалчивая, не упоминая чего-то, отодвигая что-то на задний план. И чем больше говорящий стремится любой ценой не признавать отрицающего измерения собственной речи, тем яростнее он цепляется за слова.

Обобщая все сказанное, хочется поделиться мнениями участников семинара о ходе его работы, о том опыте, который они получили, о главных впечатлениях. Почти все отметили широту мышления Оскара Брениффе, его умение организовать диалог. Многими было отмечено, что семинар дал полезный материал для осмысления и саморазвития (главным образом посредством перенесения на себя всего того, что публичный анализ обнаруживал в других участниках). Для некоторых ведущих ассоциировался с хирургом, вскрывающим застарелые нарывы. Многих поражал потенциал сократического диалога, как при помощи вопросов-ответов и аргументов

можно прийти к пониманию самих себя. Для некоторых участников семинар открыл осознание тех черт характера, о существовании которых они даже не подозревали. Многие почувствовали себя загнанными в угол, поставленными в тупик. Всех поразила прямота и острота постановки вопросов ведущим. Для многих стала ясна техника мыслительного процесса, пришло более глубокое осознание того, насколько многозначен язык и как иногда язык нас выдает, поскольку наше мышление неотделимо от нашей личности. Много было высказано комплиментов в адрес Брениффе как блестящему полемисту, актеру, обладающему чувством юмора, гибкостью и чувствительностью к контексту диалога, умением при помощи цепочки вопросов-ответов приводить собеседника к гипотезе, противоречащей изначальной, умением «разговорить» людей, вовлечь в диалог. Вот в качестве примера несколько высказываний участников семинара: «Я понял, что такое эмоциональный интеллект, и какими методами можно с ним работать (как через базовую эмоцию “докопаться” до сути дела)». «Я осознала, что излишнее говорение — наша самая распространенная проблема».

Однако наряду с положительными моментами были и негативные отзывы. Эмоциональное впечатление от ведущего было не всегда приятным — от недовольства его излишней настойчивостью до обвинений в бестактности. Многим было не ясно, когда можно высказывать свое мнение, а когда нет. «Я испытывала переживание за других людей, за то, что ведущий создает для них дискомфорт». «Возможно, не все участники говорили правду». «Возможно, не все участники правильно понимают заданный им вопрос, во-первых, из-за неточности перевода, а во-вторых, так как не на все вопросы можно дать однозначный и категоричный ответ». «Оскар не всегда слышит, а может и не хочет слышать собеседника». Некоторых участников семинара смутило отсутствие их предварительного согласия на подобный формат работы, вызывающий сильный дискомфорт. Многие отмечали нежелание глубоко раскрывать себя на публике, в частности, перед присутствующими коллегами.

Тем не менее, следует сказать, что данный семинар, несомненно, стал настоящим событием для многих участников, большинство из которых впервые познакомились с одной из распространенных методик философской практики, представленной са-

мим мастером — Оскаром Бренифье. Схема семинара оказалась яркой и простой: шок — озарение — просветление. Положительные эмоции стимулируют мысль, отрицательные — тормозят. Участники семинара осознали это в полной мере. И как всегда семинар породил множество вопросов и дискуссионных тем. А если так, значит мысли пробудились и ищут своего применения в жизни...

For citation: Borisov S.V. Technique of the Socratic dialogue by Oscar Brenifier (following the results of the seminar "The Art of Philosophical Practice", Chelyabinsk — Satka, February 12—13, 2019, recreation center "Eco-Park "Zyuratkul"") // *Socium i vlast.* 2019. № 1 (75). С. 132—137.

UDC 128 + 141.3 + 159.9.01

**TECHNIQUE
OF THE SOCRATIC DIALOGUE
BY OSCAR BRENIFIER
(FOLLOWING THE RESULTS
OF THE SEMINAR
"THE ART
OF PHILOSOPHICAL
PRACTICE",
CHELYABINSK — SATKA,
FEBRUARY 12—13, 2019,
RECREATION CENTER
"ECO-PARK "ZYURATKUL"")**

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor,
South Ural State Humanitarian-Pedagogical
University, South Ural State University
(National Research University)
454080, Russia, Chelyabinsk, ulitsa Lenina, 69
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

The article presents a description and critical analysis of the technique of the Socratic dialogue, demonstrated by the practical philosopher Oscar Brenifier at the seminar "The Art of Philosophical Practice", held February 12 - 13, 2019 at the Zyuratkul Eco-Park (Satka, Chelyabinsk Region). The specific methodology of the Socratic dialogue of Oscar Brenifier is to identify the unconscious premises of judgments, which sets the starting point in the analysis of the essence of thought. This makes it possible to take the opposite position for the formulation of simple hypotheses, which allows articulating the problems that are identified through the formulated and identified concepts.

Keywords:

philosophical practice,
Socratic dialogue,
critical thinking,
Oscar Brenifier.